

Василий Михайлович Симчера –

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор НИИ статистики Федеральной службы государственной статистики (2000–2010 гг.), вице-президент Российской академии экономических наук, главный редактор журнала «Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда» (1999–2005 гг.), руководитель отдела статистики взаимной торговли стран-членов Таможенного союза ЕврАзЭС (2011–2012 гг.)

Страсти по рецессии

Доходы нам, анонимным бенефициарам, а долги и убытки вам, обманутым народам. Именно по такому сценарию развивается рецессия в современном мире. А как обстоят дела в России? Есть ли она в России или нет ее? И если она есть, кто в этом виноват, где ее истоки, каковы масштабы и последствия, какова цена вопроса? Кто, когда и как будет расплачиваться? Неужели, как в Греции, придется платить натурой — своими исконными островами и приграничными территориями?

Экономический хит в России сегодня — рецессия. Рассуждений о ней море, а вот конкретных оценок ее масштабов и последствий нет, или они попросту надуманные и не имеют практически никакого отношения к реальности. Рецессии, утверждают правительственные чиновники, в России нет. Вместе с тем ее экономика и финансы наяву трещат по швам. Цены растут, рубль тает, долги и невозвраты (и не только коммунальные, но и банковские) зашкаливают, дыры в бюджетах зияют, приставы сбились с ног, платить нечем, все в залоге или ломбарде. Рецессия, утверждают их еще не окончательно ангажированные оп-

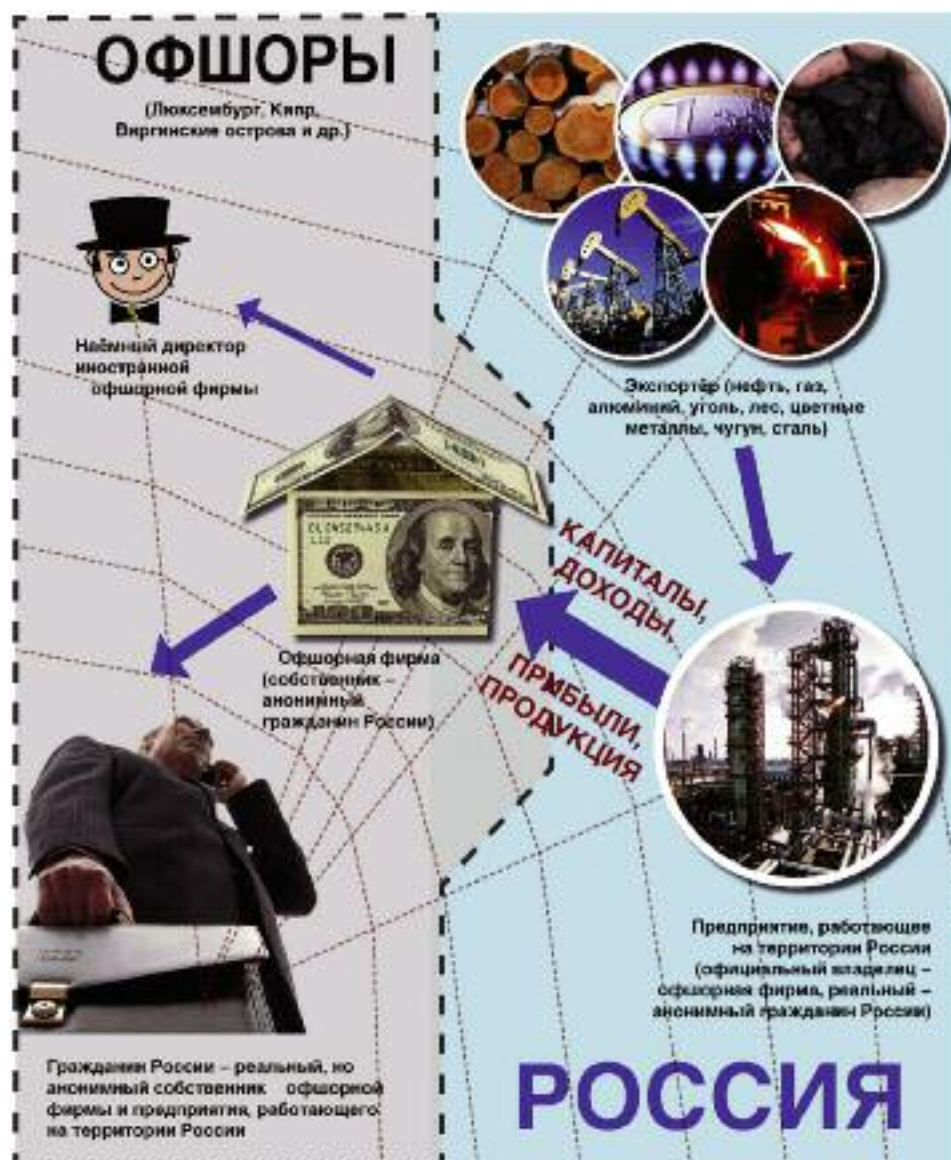
поненты, как нищета миллионов наших сограждан и их ветхое и аварийное жилье, спрятать которые некуда, — на виду у всех, а экономика и финансы страны как-никак держатся на плаву.

Где же правда? А правду, смешанную в условиях действия нынешних двойных юрисдикций и стандартов с подставками и откровенной ложью, как мутную материю, никто не знает. И знать не только не может, но и не хочет. Между тем правда в том, что реальную рецессию в мире путают с виртуальной рецессией в России, а скрываемую реальную заграничную экономику и финансы России — с дотла обесцененными и, следовательно, по нынешним временам кушными активами субъектов собственно российского производства, которых у нас в чистом и суверенном виде сегодня практически нет.

Дело в том, что нынешняя российская экономика — это отнюдь не единый и целостный конгломерат суверенных национальных предприятий и производств. В обнаженной и малообъяснимой реальности это сегодня — одно некое большое акционерное общество закрытого типа, в котором все 80 процентов долей — и соответственно доходов —

принадлежат иностранному (по преимуществу офшорному) капиталу, притворно расписанному на подставных российских марионеток-учредителей. И всего лишь 20 процентов — собственно отечественному капиталу, на который, как правило, списываются все поражения и убытки и который, следовательно, подчас всего лишь имитирует успехи и доходы и соответственно иллюзорную силу и славу российского бизнеса и российской власти в современной мировой экономике. Истинные взаимоотношения в этом обществе, его бенефициары, источники их активов и доходов, о которых «наши» власти предрежающие только и пекутся и на увеличение которых наш народ только и работает, — тайна за семью печатями, которая тщательно скрывается и недоступна даже для самых пытливых исследователей.

Поэтому прежде чем судить о рецессии в России, ее истоках, масштабах и последствиях, находить ее виновников и компенсировать причиненный ущерб за их счет, надо ясно понимать, о чьей юрисдикции и о какой собственно — отечественной или заграничной — российской экономике идет речь. Под чьим и каким внутренним или внешним управлением она находится. Кто ее истинные хозяева и бенефициары. А кто за известные 33 серебряника от их имени всеми правдами и неправдами прислуживает ей. Словом, как говорил классик, прежде чем объединиться, надо четко разделиться, чему российские чиновники как раз смертельно сопротивляются. Напротив, боясь неизбежных разоблачений, они делают все для того, чтобы такая смутная ситуация в России как можно дольше сохранялась. Поэтому ныне о таких дифференцированных оцен-

Нынешняя российская экономика — это отнюдь не единый и целостный конгломерат суверенных национальных предприятий и производств. В обнаженной и малообъяснимой реальности это сегодня — одно некое большое акционерное общество закрытого типа, в котором все 80 процентов долей — и соответственно доходов — принадлежат иностранному (по преимуществу офшорному) капиталу, притворно расписанному на подставных российских марионеток-учредителей.

ках масштабов и последствий мнимой и реальной рецессии в России даже самые проницательные исследователи только догадываются и толком ничего не знают. Впрочем, без них российской науке сегодня нечего делать и во многих других, если практически не во всех, современных фундаментальных социально-экономических исследованиях, которые в нынешней продажной реальности на самом деле аб-

солютно ненужные и бесполезные.

В условиях присоединения России к ВТО документально персонализированное определение неразглашаемых активов учредителей и соответственно роли и места российского бизнеса в транснациональной экономике и транснациональной экономики в российском бизнесе по юрисдикциям его учредителей в профессиональных кругах больше

О какой рецессии реального сектора экономики в России можно сегодня вести речь, если его материальные и интеллектуальные ресурсы в целых 10 (не ошибка – десять) раз, а трудовые (с учетом полной занятости) в два раза превышают максимально необходимые?

не может игнорироваться, поскольку без него им нет места в современном бизнесе.

Представление мирового транснационального бизнеса и мировых экономических отношений продолжается в нынешних превращенных формах и извращающих истинные оценки скалярных величинах. Отсутствует дифференциация такого бизнеса по классовой и национальной принадлежности его собственников и размерам принадлежащих им капиталов в адекватном виде и подлинном формате. А усиливающаяся закрытость мировых капиталов и их владельцев граничит не только с недопустимой монополизацией мирового бизнеса в руках тайной закулисы, но и с его тотальным монополизмом, открывающим шлюзы для неограниченной эксплуатации всего неангажированного бизнеса и уничтожающим всякие начала фаль-

шиво декларируемого равенства исходных условий для всех его участников.

Неудивительно, что в результате отношений, строящихся в рамках подобной юрисдикции, реальную рецессию современной европейской и американской экономики, ее истоки, причины и следствия наши чиновники путают с мнимой рецессией российской экономики, которой как приатку можно приписывать все что угодно. И до тех пор пока этой путанице не будет положен конец, судить о рецессии, разрабатывать и принимать какие-либо вразумительные меры по ее преодолению невозможно. Заниматься изучением подлинных механизмов современного бизнеса вне такого онтологического его понимания и представления — дело абсолютно бесполезное.

В действительности в собственной дефицитной российской экономике рецессии как

таковой по определению нет и быть не может. В такой экономике могут происходить, как это демонстрирует экономика Китая, только развитие и подъем. Торможение, стагнация и падение производства в такой экономике попросту алогичны, они ей противопоставлены.

Что же в этом смысле происходит сегодня в России? Почему мы не ограждаем свою экономику от экспансии иностранной рецессии, а скорее напротив ее импортируем и поощряем? Ради чего мы сопротивляемся разделению учета ее последствий и платим огромные суммы убытков по рецессионным счетам, вменяемым нам подпольными учредителями иностранных компаний? Почему мы до сих пор не используем механизмы, предусмотренные для этого ВТО? Наконец, почему мы до сих пор ограничиваемся куцым счетом ВВП и не имеем, как другие страны, полноценного счета собственного валового национального продукта (ВНП), на основе которого только и возможно было бы получать искомые прозрачные и полномасштабные оценки? В чьих интересах мы терпим у себя столь убыточное и попросту унижительное положение вещей? Полные и ясные ответы на эти вопросы можно получить, опираясь на достоверные цифры и факты, которые как раз и игнорируются нашими чиновниками. О чем говорят эти цифры и факты?

Первое. Начало начал любой рецессии — сокращение физических объемов материальных, трудовых и интеллектуальных ресурсов, необходимых для поддержания расширенного воспроизводства реальных объемов производства. Финансовые ресурсы при этом могут находиться в дефиците. О какой рецессии реального сектора экономики в России можно сегодня вести

речь, если его материальные и интеллектуальные ресурсы в целых 10 (не ошибка — десять) раз, а трудовые (с учетом полной занятости) в два раза превышают максимально необходимые? По экономической логистике при уникальном наличии таких избыточных объемов реальных ресурсов на условиях эквивалентной взаимозаменяемости возможно привлечение практически любых объемов выгодных финансовых ресурсов. То же самое касается и спроса, который при наличии таких объемов избыточных ресурсов и минимально рациональном их использовании также способен быть сколь угодно большим. Разумеется, речь в таком случае может идти только об искусственной, или заказной рецессии, образчики которой — в частности, сокращение объемов промышленного производства при кратно избыточных объемах производственных мощностей, в том числе объемов производства углеводородов, — мы сегодня с недоумением наблюдаем.

Второе. Рецессия российскими чиновниками манипулятивно выдается за стагнацию и даже за некий воображаемый рост. При этом все сводится к обсуждению десятки раз меняющихся оценок роста, которые у Министерства экономики одни, а у Центробанка другие, как правило, на 2–4 пункта уменьшенные. Как будто бы все дело в этой примитивной и упорно навязываемой общественному мнению никому не нужной чиновничьей возне, но не в самих причинах рецессии и средствах, необходимых для ее преодоления, поиском и предложением которых наши чиновники как раз только и должны бы быть заняты. Первоначально экономический прирост в 2013 г. в России (чиновники безапелляционно называют его ростом) опреде-

Бывший министр обороны Анатолий Сердюков

При такой инфляции, как у нас, и такой тяжелой жизни миллионов бедных людей государства вводят послабления для народа. Кого на деле стимулируют, кому помогают российские власти? Людей у нас отвлекают несбыточными посулами, карликовыми коррупциями и амнистиями, разборками дамских обид и выловленными крупными щуками.

лялся в 4,5 процента, вскоре эту оценку заменили на 3,6 процента, затем появился показатель 2,4 процента, после этого — 1,7 процента. Наконец, в августе 2013 г. Центробанк называл 2 процента, а Министерство экономики — 2,4 процента. Оценка Мирового банка — 1,2–1,4 процента. Показатели по месяцам и кварталам меняются еще чаще и пляшут еще больше. Кто в ответе за такую безответствен-

ную и позорную свистопляску? А никто!

Третье. А что мы имеем на самом деле? На самом деле (с учетом реального роста цен за январь–август на 9,6 процента и обесценивания рубля на 17,8 процента) на фоне 5 процентов прироста в четвертом квартале 2011 г. мы уже в минусе, как минимум, на 10 процентов. До конца года ничего утешительного, кроме прироста сельского хозяй-

А что думают и делают бедные в России? Бедные народы России и сегодня в своей основной массе голосуют за власть, которая процветает. Но показатели и факты, как видим, вопиют против такой власти. Они подтверждают, что рецессия в России будет только усугубляться, а народ беднеть.

ства на 4,2 процента, компенсирующего почти такое же падение в 2011 г. Нас ждет не только дальнейшее сокращение одного внешнего спроса, в котором наши чиновники усматривают главную причину нынешней рецессии и тем самым снимают с себя личную ответственность за ее отрицательные последствия. Впереди — не меньшее по глубине падение практически всех других ключевых компонентов былого роста ВВП. (Падение инвестиций на 15–20 процентов, потребительских расходов — на 7–9 процентов, госрасходов — минимум на 17–18 процентов, производительности труда и занятости — вдвое, внешнеторгового оборота и чистого экспорта — на 20–25 процентов, в том числе в первом полугодии на 12,5 процента и т.д.) Но в связи с осложнением наших отношений с США и охлаждением со странами ЕС нас ждет впереди

еще и двукратный рост вывоза капитала, заграничная доля которого уже сегодня зашкаливает в России за 20 процентов ВВП. А также двукратное уменьшение его ввоза, дальнейшее обесценивание по этим причинам курса рубля еще на те же 17–20 процентов, тотальное увеличение издержек производства в связи с присоединением России к ВТО, превышение затрат над эффективностью и массовое банкротство не менее чем трети зарегистрированных малых и средних предприятий.

Четвертое. Ничто и никто не забыты и по старым долгам. В годы шоковых реформ государство задолжало своим гражданам свыше 650 миллиардов американских долларов (20,9 триллиона рублей, или 33,1 процента ВВП 2012 г.). Долги придется отдавать. И не как бандиты — 3–5 процентов номинала, но сполна. Нет денег — рассчитывайтесь иму-

ществом госкомпаний или снижайте коммунальные платежи и налоги. Обязательства народа перед государством и обязательства государства перед народом — это дорога с двусторонним, а не односторонним движением.

Пятое. Наконец, но не в последнюю очередь, при такой инфляции, как у нас, и такой тяжелой жизни миллионов бедных людей государства вводят послабления для народа. Теперь такие послабления вводят даже в развитых странах. В США и Англии, а еще раньше в Японии при инфляции выше 2 процентов и безработице выше 7 процентов банковские ставки лимитируются 0,5 процента годовых и не могут повышаться. Там так борются с рецессией и стимулируют рост производства и потребления. О чем говорить в России, где сегодня ставка рефинансирования 8 процентов, коммерческая ставка для предприятий — 16–18 процентов, а ставка по потребительским кредитам зашкаливает за все 30 процентов. Кого на деле стимулируют, кому помогают российские власти?

Шестое. Людей у нас отвлекают несбыточными посулами, карликовыми коррупциями и амнистиями, разборками дамских обид и выловленными крупными жуками. Надолго ли хватит таких трюков? Достаточно ли для того, чтобы гасить растущее равнодушие? Людей не удивишь сегодня практически ничем. Они не озабочены не только общими, но и личными крайностями. Они уже давно забыли и не реагируют на вопиющие факты. Например, на то, что их доходы сегодня уже не в 16, но в 30–40, а в отдельных регионах в 50–70 раз меньше доходов богатых. И это при допустимой норме в 7 раз. Они уже никак не могут понять даже самое простое. Почему, например, сельский учитель

Петр Фарбер за взятку в 300 тысяч рублей осужден на 7 лет строго режима, а следователь Нелли Дмитриева за взятку в 300 раз большую (3 миллиона американских долларов) — на срок в два раза меньший, причем не строго, а льготного — общего — режима? Вот такие чудеса вытворяют власти предрекающие с рецессией в России, умудряясь представлять ее народу едва ли не как благо. И при этом продолжают обвинять во всем проклятое советское наследие и бушующую вот уже целых три года рецессию в Европе. Собственные причины провала при этом не принимаются во внимание, а если и принимаются, то лишь затем, чтобы выдавать их за трудности роста и успехи на путях их преодоления.

Седьмое. Самый неприятный вывод из всего сказанного заключается в том, что в режиме тех показателей и оценок, которыми оперируют наши власти, любая нормальная экономика попросту физически существовать не может. Скажите, пожалуйста, где и какой хозяин в мире возьмется за бизнес в условиях, когда его расходы будуткратно превышать доходы? У нас сегодня из 5 миллионов зарегистрированных предприятий почти 1,6 миллиона именно таких. Как возможно при нынешних ценах и тарифах, кредитных ставках и налогах, арендных и коммунальных платежах, курсах валют и невообразимых фискальных поборах, уровень и ежегодный рост которых выше мировых, под угрозой уголовного преследования требовать от наших предпринимателей соблюдения чистоты их бизнеса, снижения издержек и цен производства, повышения уровня конкурентоспособности производимой ими продукции? О какой модернизации и росте эффективности российской

экономики может идти речь в условиях, когда рост заработной платы и других переменных издержек в ней на постоянной основе кратно превышает рост производительности труда? И о каком снижении инфляции до 4-5 процентов годовых можно серьезно говорить в стране, где цены производителей прирастают на 12—15 процентов в год? Экономика, в которой темпы роста производства предметов потребления необузданно опережают темпы роста производства средств производства, в которой половина производственных накоплений бездарно проедаются, замораживаются или вывозятся за границу и вкладываются в развитие иностранного бизнеса, в которой не используется почти 90 процентов ее национальных ресурсов и десятилетиями простаивает около 50 процентов ее производственных мощностей, вообще перестает развиваться. Может ли произойти в России такое? Да, может, но только тогда, когда ее национальная экономика порвет совсем с принципами и законами и превратится в придаток транснациональной экономики, в офшорную территорию, на которой будут господствовать экономические законы совсем других юрисдикций совсем других стран.

Восьмое. Конфуций в своих беседах наставлял государственных мужей Китая: если государство следует своему идеалу и своему пути, то стыдно быть бедным и не в чести, а если не следует, то стыдно быть богатым и в чести. Китай истинность этого изречения Конфуция не раз испытывал на себе.

Девятое. Что у нас в конце туннеля? Наши чиновники и их услужливые апологеты уверяют публику, что ничего страшного сегодня в России не происходит. Никаких при-

снопамятных признаков дефолта они нигде и ни в чем не усматривают. Долги населению можно безнаказанно и дальше не отдавать, пенсии не особо повышать, материнский капитал отменить, офшорные капиталы, как на Кипре, больше не терять, коррупционеров укоротить, рубль, беззастенчиво обесценивая кровные сбережения старушек, еще на 15—20 процентов опустить, оппозицию, благо она практически вся продажная, игнорировать. Для всего этого у них якобы есть все необходимые резервы. Но, во-первых, этих резервов мало, их в лучшем случае хватит на треть необходимого. Во-вторых, эти резервы на глазах бездарно тают. А в-третьих, все они находятся под внешними обязательствами и практически полностью недоступны для решения хотя бы одной из перечисленных задач.

А что думают и делают бедные в России? Бедные народы России и сегодня в своей основной массе голосуют за власть, которая процветает. Но показатели и факты, как видим, вопиют против такой власти. Они подтверждают, что рецессия в России будет только усугубляться, а народ беднеть. Преодоление ее ценою поддержания нынешнего курса мнимой стабильности и еще более мнимого снижения инфляции россиянам будет обходиться боком и, в конце концов, как это уже много раз случалось не только в Китае, но и у нас, станет невозможным. Верхи не смогут чинить такие безобразия, а низы не станут больше их терпеть. И произойдет это не вообще когда-нибудь, а судя по всему, в течение ближайшего года. И тогда к поучениям Конфуция властям предрекающим и у нас придется прислушаться повнимательнее. Иначе им, как и бывшим великим китайским императорам, будет не только стыдно.